

НЕ ТО ЛЁТОМ, НЕ ТО СКОКОМ, А НЕ ТО И ПОЛЗКОМ: КАТЕГОРИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В МИФОЛОГИИ

Марина Михайловна Валенцова

Институт славяноведения РАН (Москва)

mvalent@mail.ru

Категория определенности / неопределенности релевантна для многих сфер научного познания — от математики и экономики до социологии и гуманитарных наук. Результаты исследования этой категории в упомянутых дисциплинах¹ применимы и для изучения **славянской народной демонологии**, иначе — «низшей» мифологии, представляющей собой систему верований вместе с действующими в них мифологическими персонажами и связанными с ними обстоятельствами.

Можно утверждать, что неопределенность является основополагающим принципом формирования, организации и функционирования мифологической системы, причем всей сферы мифологического, включая также «высшую» мифологию (мифы и легенды о богах)². В своей абсолютной степени неопределенность представляет собой неизвестность.

¹ Например, в статистической теории информации под неопределенностью понимается характеристика множества сообщений, из которых в процессе передачи происходит выбор. Также и переход социальной системы от одного состояния к другому осуществляется путем выбора из множества возможных путей одного, но наиболее эффективного в конкретной ситуации. Говорят также о множественности выборов. То есть определенность характеризует однозначную связь, а неопределенность — многозначную. В условиях полной неопределенности возможность осознанного выбора отсутствует. «Неопределенность рассматривается как мера информации», и это самое распространенное в общественных науках понимание неопределенности (Дигилина, Новиков 2018), то есть информация выступает как определенность, а достаточность информации свидетельствует об определенности ситуации. Из обширной литературы по этому вопросу см.: Урсул 1975; Кравченко 2014; Дигилина, Новиков 2018 и др.

² Некоторые примеры: «С другой стороны, заслуживает упоминания та неопределенность, с которой о богах говорится во многих греческих и римских (но не в германских) источниках: *καί τις θεός ἠγεμόνευεν* [и какой-то бог указывал дорогу] (Od., IX:142; X:141); *τίς με θεῶν ὀλοφύρατο* [какой-то бог меня пожалел] (Od., X:157)» и т.д. (Гримм 2019: 178–179).

Можно говорить о двух уровнях неопределенности: 1. неопределенность как причина возникновения образов демонов и 2. неопределенность самих демонических образов.

Само формирование представлений о сверхъестественных силах, зарождение мифов о богах и демонах происходило и до сих пор происходит лишь в сфере неопределенного — неясного, неточного, неизвестного; при появлении новых знаний, т.е. информации о мире, боги «умирают», а демоны исчезают из активного упоминания в традиции, как уже практически исчезли из народных верований волколаки и упыри, вилы, «дикие люди» и др.

Говоря о механизме формирования мифологических персонажей, надо иметь в виду, что они «населяют» пограничье миров: видимого / невидимого, реального / ирреального. Они появляются там, где отсутствуют ясные и полные представления о явлении, недостает знаний о предмете, то есть представления о них неопределенны. Неопределенность — это дискомфорт, наличие тревоги, страха. Эти человеческие чувства во многом формируют ментальные представления о демонических сущностях — как правило, страшных, опасных, зловредных. Можно сказать, что мифологические персонажи — это неизвестность, облаченная в форму традиционных культурных и имеющихся рациональных представлений и знаний народа о мире: природе, человеке и обществе.

Поскольку эта неизвестность воспринимается людьми через частные, отрывочные и разноуровневые признаки, то и представления об этой неизвестности являются неопределенными. Например, странное состояние, в котором оказывается человек, заблудившийся в лесу, может объясняться деятельностью мифологических существ — лешего, зловредного черта, вил, «диких женок», или свойствами магических объектов, например, «блудного корня», поваленного бурей дерева, через которые человек случайно переступил. Лечебное воздействие воды в лесном источнике может пониматься как результат благоволения духа источника, как сила действий знахарки, проводящей обряд исцеления с водой, или как эффект от жертвоприношения источнику.

Неопределенность связана, прежде всего, со сферой **восприятия** человека: это неузнаваемые, не отождествляемые со знакомыми предметами образы; неясные, непонятные звуки, напоминающие слова или имена; запахи, которых в данном месте не может быть, например, запах свежее испеченного хлеба в лесу; необъяснимые события, воздействующ-

шие на человека или происходящие в его непосредственной близости (открылась дверь, упала картина, разбилась посуда, животные и предметы появились «откуда ни возьмись»)³.

Второй обозначенный выше уровень неопределенности — это неопределенность и(ли) вариативность самих мифологических персонажей (их внешнего вида, свойств, атрибутов, функций).

Неопределенны все мифологические персонажи, даже самые известные и хорошо описанные в многочисленных быличках и фольклорных нарративах. Например, домовый имеет неопределенный облик (антропоморфный / зооморфный, старик / ребенок, одетый / заросший шерстью), неопределенные функции (помогает в делах / вредит, пугает, душит во сне). З.-слав. *мара* — дух, наваливающийся на человека во сне и душащий спящего, может предстать в виде тени, соломинки, перышка, души человека; может наседать, давить или сосать спящего; причины этих действий могут видеть в зловредности ведьмы, душа которой ходит по ночам по чужим людям, в безответной любви покинутой девушки, душа которой мучит парня по ночам, или просто в проявлении симптомов болезни.

Локальные персонажи, известные на ограниченной территории, в связи со своей неопределенностью часто и описываются в источниках с использованием конструкций типа: «какой-то лесной (водяной, подземный и т.п.) дух, который...» или: «считается то самостоятельным персонажем, то женой лешего (водяного и т.п.)», а нередко прямо констатируется, что облик персонажа неопределен, размыт, нечеток.

В случае приобретения мифологическими персонажами, точнее, в случае наделения их определенными свойствами, конкретными образами, специфическими функциями (как это произошло, например, в средневековых трактатах с чертями и бесами — см. Виноградова 2016: 82), они теряют большую часть своей демоничности и становятся конструктами с ожидаемыми функциями и потому не такими страшными.

Вследствие неопределенности, размытости мифологических образов, текучести и вариативности их признаков так трудно (если вообще

³ Ср. аналогичные мысли о германской мифологии, которые высказал Т. Н. Грановский в лекциях по истории Средневековья: «Обе мифологии [скандинавская и германская] выросли из одного корня, но последняя не определилась вполне, ее захватило среди ее развития переселение народов и христианство. Отсюда *неопределенный, туманный характер германских божеств*. У германцев религиозное сознание не успело перейти из непосредственности чувства в созерцание, не приняло пластической формы» (Гримм 2019: 33, сн. 24. Выделено мною. — М. В.).

возможно) создать классификацию мифологических персонажей с однозначным соответствием имени и персонажа, персонажа и функции даже для одной традиции.

Конкретные примеры могут продемонстрировать, как мифологические персонажи формировались на основе принципа неопределенности, проявлявшегося в разных сферах восприятия человека. Как правило, речь идет о пограничных состояниях реципиента, связанных со сном, смертью, болезнью; обусловленных временем суток (сумерками или ночью), свойствами воспринимаемых объектов (рябь воды, мелькание листьев деревьев на солнце), внутренним состоянием воспринимающего (усталость, долгий пост, тоска).

Визуальная неопределенность: неясные очертания, видение, марево, мелькание — обусловили появление персонажей типа: рус. *марá, блазень*, бел. *зданькі, прывіды*, пол. *otana, błądzoń*, серб. *прикази, привиди, омаја* и др.

Часто визуальная неопределенность совмещается с **сенсорной**: у человека возникают непонятные, беспричинные чувства страха, тревоги, появляется головокружение, потеря памяти, дезориентация — это различные укр. *страхи*, словац. *strašky*, рус. *блуд* и др. Для этих персонажей свойственна также **номинативная неопределенность**, ср., например, названия типа рус. *он, оно*, укр. *він, той*, карп.-укр. *шоєь нечистого, невидимий дух, лихо*, словац. *оно*, пол. *cosik, coś* и под. (также имеющие функцию табуирования). Эти персонажи обладают слабой оформленностью, безличностью, о них практически ничего не известно⁴.

Аудиальная неопределенность: неясные звуки, голоса, стуки, хлопки, шорох, шипение — приписываются *домовому, домашней змее, лешему, «дикий охоте»*, персонифицированным *болезням, Смерти*. Звуки считались знаками-предвестниками, сообщениями, как правило, неблагоприятными.

Тактильная неопределенность: восприятие на ощупь — *домового* (мохнатый или голый), *моры* (предмет или бесформенная масса, студенистая субстанция).

⁴ Такие неопределенные персонажи есть и в других народных демонологических системах, например, в греческой: *φαντάσματα* 'привидения', *στοιχεῖά* 'стихью' с размытой, неясной характеристикой образа, *κακά πνεύματα* 'злые духи' (К. А. Климова, рукопись); ср. также лит. *jis* ('черт', букв. «он»), румын. *ele* ('русалии, вилы', букв. «они») и др.

Мерцательность⁵: то видимость, то невидимость, то слышимость, то неслышимость, то появление, то исчезновение, то увеличение, то уменьшение роста — характеризует *блуждающие огоньки*, лесных и болотных духов, черта и многих других демонов. С мерцательностью образа соотносимо оборотничество (исчезновение демона в одном облике и появление в другом), прежде всего, *черта, лешего, мары, ведьмы, летающего змея, волколака* и др.

Мифологические образы могут формироваться также на основе неопределенности в **ментальной сфере**, например, когда человек (или даже локальное сообщество) не может выстроить ясную логическую цепочку объяснения события или ему не хватает для этого знаний. Например, лунные фазы объясняются как «поедание» луны мифологическими существами; лунное затмение — как сбрасывание луны с неба ведьмой; загадочная связь воды с лунными фазами отразилась в фольклорных нарративах о водяном, который вылезает из реки в полнолуние, шьет при свете месяца, разговаривает с месяцем, и т.п. Неизвестность или неопределенность знаний в основном земледельческого населения о некоторых ремеслах, невозможность реконструировать последовательность событий формируют представления о магических способностях «специалистов» (которых считали колдунами и *знатками*), например: владелец водяной мельницы, знакомый со свойствами текущей и падающей на колесо воды, подозревался в связях с водяным; кузнец — в связях с чертом; пастух — с лешим.

К ментальной сфере относится также **семантическая неопределенность** имени персонажа — непонятность значения и происхождения заимствованного или чужого слова (болг. *караконджул, орисница* и под.); при этом возможно одновременное восприятие фонетического облика заимствований (например, аллитерации, как в с.-рус. *шуликуны, шушки, шушига, кулешу*, словац. *škriatok*, чеш. *skřítek*, хорв. *štriga* — связывающей демонов с шорохом, шепотом, скрежетом и скрипом).

Мифологическая народная традиция накапливает информацию о неизвестном и неопределенном, об опыте контактов с неизвестными существами и вырабатывает некую типологию обликов сверхъестественных существ, правила поведения при встрече с ними, способы коммуникации и способы оберега (защиты) от них. Эта информация распространяется в этнической культуре в форме поверий, мифологических нарративов,

⁵ Пользуюсь термином Т. В. Цивьян.

игр, пословиц, запретов и рекомендаций. А информация, как говорилось выше, устраняет неопределенность и повышает достоверность знаний о мире. То есть функция народной демонологии аналогична функции науки, но в своей специальной области. Похожими способами решается в науке и в мифологии и проблема временно существующей неопределенности: в области научной информации — с помощью прогнозирования, а в традиционной народной культуре — с помощью предсказания и гадания.

Традиционную народную культуру в целом можно назвать народной наукой, народной философией, коллективным знанием, объясняющим неизвестное, ориентирующим в ситуации неопределенности — в понятиях и терминах культурных и мифологических представлений народа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Виноградова 2016 — *Виноградова Л. Н.* Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016. С. 76–89.
- Гримм 2019 — *Гримм Я.* Германская мифология / Пер., коммент. Д. С. Колчигина. Под ред. Ф. Б. Успенского. Изд. 2, доп. Т. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
- Дигилина, Новиков 2018 — *Дигилина О. Б., Новиков А. И.* Неопределенность как фактор стратегического планирования // Стратегическое управление: теория, практика и проблемы. Материалы XV Межрегиональной научно-практической конференции. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2018. С. 11–17.
- Климова — *Климова К.А.* Греки // Народная демонология славян. Коллективная монография (рукопись).
- Кравченко 2014 — *Кравченко А.И.* Тезисы о неопределенности // UNIVERSITATES. № 4. М.: Наука и просвещение, 2014. С. 14–19.
- Урсул 1975 — *Урсул А. Д.* Проблема информации в современной науке. М.: Наука, 1975.